

Т. И. Ерохина¹**ПОГРАНИЧНОСТЬ РОССИЙСКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИОННОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ:
КРИЗИС И/ИЛИ ДИСКУРС²**

Осмысление кризиса цивилизации в современном гуманитарном знании стало почти “*locus communis*” философских, социологических, культурологических, исторических, экономических, политических дискуссий. Вместе с тем это понятие остается не только остроактуальным и онтологически значимым для современных исследований, но и многозначным, многовекторным, не имеющим четких критериев анализа и устоявшейся трактовки. Подобная ситуация обусловлена тем, что осмысление дефиниции «цивилизация» в философии и истории изначально было связано с понятием кризиса (будь то труды Н. Я. Данилевского, О. Шпенглера, А. Тойнби, С. Хантингтона), и дискурс «кризиса» наиболее очевиден при обращении к истории и специфике развития российской цивилизации. Современная ситуация мировой глобализации не снимает проблему кризиса цивилизации, напротив, делает ее еще более острой и дискуссионной, о чем свидетельствуют статьи П. С. Гуревича, А. А. Гусейнова, В. С. Степина, Н. А. Хренова и др.

В этом контексте кризис российской цивилизации все чаще рассматривается через призму идентичности или множества идентичностей. Отметим, что, принимая возможность существования и верификации различных определений идентичности, мы обратимся к трактовке идентичности, включающей, помимо тождественности и целостности, единства и синтеза, социальности и коллективности, индивидуальности, особенно значимую в контексте осмысления личности. Идентичность, таким образом, «предстает <...> как набор интериоризованных представлений, идей, черт, норм и форм поведения, изменяющихся под давлением среды, этнических лидеров и творческих личностей в русле заданной культуры»³. Кроме того, обозначим тип идентичности, который становится предметом нашего осмысления: это цивилизационная идентичность. Обращение к цивилизационной идентичности обусловлено не умалением роли этнической, конфессиональ-

ной, политической, правовой, социальной и других идентичностей. Напротив, именно цивилизационная идентичность становится своего рода синтезом указанных выше идентичностей, поскольку предполагает интеграцию и взаимодействие этноса, религии, политики, права, социума и др. Для нас близким становится определение, предложенное И. В. Кондаковым, который обозначает российскую идентичность именно как цивилизационную, то есть более широкую, чем этнонациональная, социально-политическая, конфессиональная⁴.

Вопрос о формировании цивилизационной идентичности в контексте социокультурной ситуации, сложившейся в современной России, остается открытым и болезненным. Цивилизационная идентификация как осознанное принятие традиций, норм, ценностей и самоидентификация как процесс (и в некотором смысле результат) самоопределения и формирования личности особо значимы в периоды рубежных эпох, которые характеризуются ощущением «переходности» момента, нестабильности, кризиса, сдвигами в сознании и самосознании культуры, народа, общества и лежат в основе процессов социализации и инкультурации личности.

В этом контексте пограничность как основание российской идентичности в том или ином ракурсе неоднократно становилась предметом исследования. О территориально-культурной пограничности писал Н. Бердяев, отмечая, что «русский народ есть не чисто европейский и не чисто азиатский народ. Россия есть целая часть света, огромный Востоко-Запад, она соединяет два мира. И всегда в русской душе боролись два начала, восточное и западное»⁵. Пограничность российской цивилизации (как и во многом аналогичное межцивилизационное положение Византии) в качестве социокультурного механизма «взаимоупора» (силового баланса сдержек и противовесов во взаимодействии разнонаправленных тенденций культурно-исторического и цивилизационного развития) обозначал С. С. Аверинцев, определяя «взаимоупор» как «сбалансированное противоборство противоположностей»⁶. Бинарный характер русской культуры был предметом исследований Ю. М. Лотмана, И. В. Кондакова. Последний выделял также основные компоненты цивилизационной идентичности: «менталитет цивилизации, ее локалитет и глобалитет, образующие в своей совокупности триаду»⁷.

⁴ Кондаков И. В. Цивилизационная идентичность России: сущность, структура и механизмы // Вопросы социальной теории. 2010. Т. IV. URL: <http://iphras.ru/uplfile/root/biblio/vst/2010/14.pdf>

⁵ Бердяев Н. А. Русская идея. Основные проблемы русской мысли XIX века и начала XX века // О России и русской философской культуре: философы русского постлеоктябрьского зарубежья. М.: Наука, 1990. С. 44.

⁶ Аверинцев С. С. Поэтика ранневизантийской литературы. М.: Наука, 1977. С. 239.

⁷ Кондаков И. В. Указ. соч.

¹ Проректор по учебной работе Ярославского государственного театрального института, заведующая кафедрой культурологии Ярославского государственного педагогического университета им. К. Д. Ушинского, доктор культурологии, профессор. Автор более 140 научных и учебно-методических публикаций, в т. ч. монографий и учебных пособий: «Личность и текст в культуре русского символизма», «Коды массовой культуры» (в соавт.), «Российский дискурс массовой культуры: эстетические практики и художественный образ» (в соавт.), «Культурфилософское обоснование трансформации российского опыта в контексте взаимодействия глобального и локального» (в соавт.), «Массовая культура: российский дискурс» (в соавт.), статей «Серебряный век как код массовой культуры», «Формы и перспективы взаимодействия в культуросообразной научно-образовательной среде», «Гендерные архетипы Серебряного века в массовой культуре» и др. Член Союза театральных деятелей России. Награждена Почетной грамотой Министерства образования и науки РФ.

² Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ, грант № 15-03-00655 «Пограничность как философско-эстетический модус русской культуры».

³ Губолго М. Н. Идентификация идентичности: этносоциологические очерки. М.: Наука, 2003. С. 29.

Пограничность российской цивилизации традиционно рассматривается исследователями в контексте историко-культурного и территориального факторов, к которым относятся: нахождение России на границе Востока и Запада, Азии и Европы; осмысление исторического развития России через кризисы цивилизационной идентичности (монголо-татарское нашествие, Петровские реформы). Именно эти факторы, по мнению ряда исследователей, лежат в основе формирования менталитета как одного из компонентов цивилизационной идентичности, базовые характеристики которого во многом совпадают с базовыми ценностями русской культуры и достаточно устойчиво и с определенной периодичностью воспроизводятся в истории России. К таким ценностям относятся: странничество, постоянный поиск идентичности; бинарный (в том числе и пограничный) характер существования и развития; мессианизм (предполагающий отсутствие границ), «отрицание принципа иерархии; отношение к власти и законам как внешнему чуждому элементу; установка на восприятие руководителя государства как защитника народа, противопоставление его бюрократическим структурам» и др.¹ Не комментируя содержание и аутентичность указанных ценностей русскому менталитету, отметим, что фактически все они могут быть рассмотрены в аспекте пограничности, начиная с тяготения к коллективизму (соборности) и индивидуализму, отрицания власти и установки на идеализацию власти.

Современные исследователи чаще всего определяют пограничность российской идентичности через дефиниции «кризисность» («...образ страны, с которой люди себя идентифицировали, потерял четкие очертания не только с точки зрения территориальных рамок, но и представлений об объединяющих смыслах, ценностях, структурах власти и социальных отношений»²); «нелинейность» («...формирование российской идентичности не является линейным процессом <...>. Оно осуществляется в сложном противоречивом контексте культурно-цивилизационных взаимодействий, динамичных социально-экономических преобразований, распада многонационального государства и обусловленной им необходимости привыкания к новым границам и территориальным очертаниям, обновленной идеологической системе координат и деформировавшемуся образу “мы”, встраивания в новую систему отношений, освоения новых социальных смыслов и значений, переосмысления этнического состава населения, политического устройства, рождающихся и обмирающих ценностей, изменяющейся структуры общества»³); «множественность», понимаемую в постмодернистском проекте как отсутствие одной идентичности («Рассматривая человека как постоянно трансформирующееся существо, отрицающая на-

личие в его менталитете устойчивых опорных основ, постмодернистский подход отрицает возможность наличия единой идентичности»⁴).

Обобщая эти и другие вариации трактовки пограничности как основания российской идентичности, добавим к признакам пограничности те понятия, которые характеризуются наличием «границ» и лежат в основе выделения бинарных оппозиций (границы территориальные, временные, культурные, своего/чужого, языковые и т. д.), а также понятия, в основу которых положено понимание «по-граничности» (амбивалентности, рубежности), подразумевающее не столько противопоставление, сколько осознание взаимосвязи, общности, нераздельности (толерантность, синкретизм, маргинальность).

Согласимся в целом с позицией Ю. Чернявской, которая анализирует мифологическую природу этнической идентичности, отмечая, что ментальность (менталитет), как один из компонентов идентичности, — это тоже «пограничная» дефиниция, поскольку имеет размытые, неочерченные границы и включает уровни, типы ментальности и т. д. Чернявская обращает внимание на то, что пограничность свойственна не только российской идентичности. Так, признаком пограничности идентичности становится декларация «особого пути» страны, мессианской роли в истории человечества, и зачастую подобная пограничность происходит «от “серединного” географического, а значит, и культурного положения страны. Следствие этого — популярный тезис, что данный этнос является “золотым мостом” между Западом и Востоком, посредником между цивилизациями. Дополнительная проблема в состоит в том, что подобных “мостов” десятки: Россия, Белоруссия, Украина, Казахстан, Узбекистан, Азербайджан, Турция и т. д.»⁵. Вместе с тем, на наш взгляд, утверждение автора, что дискурс пограничности используется, как правило, в двух ситуациях: чтобы объяснить незавидное положение в настоящем (обусловить потери) или подтвердить уникальность собственной культуры, оценивается нами не столь однозначно, поскольку тяготеет к выстраиванию бинарной оппозиции, в то время как сама структура дефиниции «пограничность» тяготеет к тернарности и снятию противоречий. Особого внимания заслуживает постмодернистская трактовка идентичности, точнее «кризиса идентичностей», который приводит к осознанию множественности или отсутствию идентичностей. В связи с этим показательна позиция Н. Л. Вигель, которая отмечает, что «знаком постмодерна становится не “путь”/“дорога”, а “сад расходящихся тропок” (по Х. Л. Борхесу)». И если жизненной стратегией модерна было паломничество, то «метамодерном» жизненной стратегии постмодерна <...> становятся ранее маргинальные формы поведения <...>: жизненные стили фланера, бродяги, туриста и игрока, взаимопроникающие и взаимопересекающиеся

¹ Скородумов О. Б. Национально-культурная идентичность в России в условиях становления информационного общества. URL: <http://www.zpu-journal.ru/e-zpu/2010/4/Skorodumova/>

² Дробизжева Л. М., Рыжова С. В. Российская идентичность и межэтническая толерантность. URL: https://www.civisbook.ru/files/File/Ros_ident.pdf

³ Горшков М. К. Российская идентичность в контексте западноевропейской культуры. URL: http://www.isras.ru/index.php?page_id=2384&id=1504

⁴ Скородумов О. Б. Указ. соч.

⁵ Чернявская Ю. В. Идентичность на фоне мифа // Антропологический форум. 2008. № 8. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/identichnost-na-fone-mifa.pdf>

в своей склонности придавать человеческим отношениям фрагментарность и прерывность»¹.

Тем не менее в контексте мифологического (и даже постмодернистского) дискурса пограничности важнее иная обусловленность пограничности как онтологически значимой характеристики российской идентичности: пограничность может быть рассмотрена как медиатор всех возможных оппозиций, соответственно именно она может стать одной из составляющих (одним из условий) выхода из кризиса цивилизации для российской культуры. В контексте теории структурализма К. Леви-Стросса можно задаваться вопросом, насколько медиативный механизм пограничности является следствием бриколажа или имеет бриколаж своей целью, но пограничность, присущая культуре (отмеченная В. С. Библиром, С. И. Великовским, М. М. Бахтиным), столь же свойственна и российской идентичности, которая существует на границах и, возможно, без пограничности

не осознается и не моделируется. Отмечая значимость пограничности российской идентичности, которая, вероятно, более чем цивилизационная идентичность других стран может способствовать успешному интегрированию России в мировое сообщество, обратим внимание на то, что на сегодняшний день кризис идентичности скорее свидетельствует о рефлексивном этапе поиска пути, чем о его моделировании или движении по нему. Тем не менее, на наш взгляд, пограничность становится следствием и свидетельством не только и не столько двойственности, разорванности, кризисности и бинарности (несомненно, свойственных русской культуре, современной российской цивилизации, российской идентичности), сколько тяготением к снятию противоречий посредством выстраивания тернарной модели культуры, а осознание пограничности как позитивного дискурса характеризует вариативность и многоплановость развития российской цивилизации.

¹ *Вигель Н. Л.* Феномен идентичности в эпоху постмодерна.
URL: <http://www.bilingual-online.net/Vigelj.pdf>